

ВЗЯТЬ интервью—дело для газетного журналиста самое повседневное, никаких других трудностей, кроме чисто профессиональных, не представляющее. А на сей раз впервые за многие годы, честное слово, чувствовал неловкость, отправляясь за кулисы, чтобы поговорить с певицей. В зале на ее только что закончившемся концерте было, (специально пришлось посчитать)... семнадцать человек.

требующей безупрочности по ровности звуковедения, блеска тембров; русского романа, народной песни с их задушевной напевностью; камерных произведений с ариозно-речитативным типом мелодии, где от певицы ждешь уверенного владения приемами вокальной дикции (Амбразайтите исполнила романсы Даргомыжского «Я все еще ее люблю», Гречанинова «Степью иду я унылою», современного литовского композитора Бражиниса «Плачь глухой Онуле»). Занавешивая рецензию, можно было бы по справедливости сказать, что творческая встреча с литовской певицей стала

нашем городе сотни, если не тысячи.

Было, как видим, кому прийти на концерт. Реклама, что ли, дала промашку? Судите сами: семьдесят афиш, притом своевременно, было расклеено по городу. Достаточно? Вполне. Тот, кто вообще следит за культурной жизнью города, был наверняка в курсе дела. Но предположим, что-то другое.

Случайное стечение обстоятельств? Нисколько. В прежние годы, как совершенно официально сообщили нам в оперативно-концертном отделе филармонии, на концерты Казанцевой, Левко, Исаковой, певиц, не нуждающихся в представлении, было продано по двадцать билетов; ненамного больше — на концерты Долухановой. Как выразился заведующий отделом Геннадий Васильевич Сергеев, «буквально за уши приходилось тянуть зрителей» на выступления Киевского камерного хора, прославленного хора Эрнесакса. Только что на концерты грузинского певца Аломадзе не было продано ни единого билета, их пришлось снять.

Невероятно, но факт: из года в год в Перми пустуют залы на камерных концертах даже лучших певцов. Здесь есть проблема, которую, впрочем, не разрешить вот так, с ходу.

Предположим, что у певцов классического склада объективно меньше слушателей, чем даже у инструменталистов, не говоря уж об эстраде. Значит, приходится, прежде всего от филармонии, хорового общества, оперного театра, ждать дополнительных усилий, направленных на то, чтобы камерный исполнительство, в том числе и местных певцов, попало бы в центр общественного внимания.

Ничего подобного в Перми из года в год не предпринимается. Кто из солистов театра оперы и балета спел в последние десять лет сольные концерты? Трое-четверо, не больше. Помнит ли кто-нибудь, чтобы на сцене Дома политического просвещения прошел хоть один сборный камерный концерт солистов оперы? Ну и так далее...

Вопросами пришлось начать, вопросами и заканчивать, а иначе в этом случае и быть не может. Тема, видимо, требует продолжения разговора в самом широком кругу заинтересованных.

Ю. НАДЕЖДИН,
наш корр.

Послесловие к концерту

ПОЧЕМУ В ЗАЛЕ ПУСТО

Один за другим вставали смятенные вопросы. Что это: досадная случайность, когда на концерте народной артистки Советского Союза (часто ли приезжают к нам исполнители с высшим артистическим званием?), лауреата Всесоюзного и Международного конкурсов — почти пустой зал? И это на главной гастрольной филармонической площадке почти миллионного города — в Доме политического просвещения? И это в Перми, пользующейся репутацией города высокой музыкальной культуры?..

Тут уже не до тонкостей вокала, не до рецензии, потому что неясно, к кому, собственно, с ней обращаться. Певица ко дню выхода газеты уедет, а кто мне может поручиться, что и эти семнадцать зрителей или хотя бы половина из них — не приезжие?

И все-таки, если бы я писал рецензию на концерт солистки театра оперы и балета в Вильнюсе Ниле Амбразайтите, то я непременно отметил бы такое свойство таланта актрисы, как его редчайшая целомудренность, сдержанность, строгая внутренняя соразмерность в нем содержания и формы выражения.

У Амбразайтите первоклассный, верный, от природы поставленный голос — звучное, полетное, бархатистых тембров меццо-сопрано. Ее стихия — виртуозное пение, мелодия, большое дыхание, чувство, возвышенное до страсти. А поет она на удивление легким, светлым, как бы непрерывно струящимся звуком, сполна доверяя композитору, ни чуть не пытаясь наигрывать переживание, опасаясь «перетяжелить» им голос.

Написал бы я и о мастерстве владения Нилей Амбразайтите всеми многообразными вокальными стилями — старинной итальянской арии, бель-канте,

одним из самых незаурядных событий в музыкальной жизни нашего города за последние годы.

...Разговор сейчас о другом — о том, чем же объяснить ту парадоксальную ситуацию, с описания которой мы начали эти заметки. Разобраться в ней мне помогали сама Ниле и ее партнер пианист лауреат республиканского конкурса имени Чюрлениса Августинас Мацейна.

— Какой город, вы спрашиваете, можно назвать музыкальным? — так рассуждали они, дав в беседе, по моему, самое верное начало. — Думаем, тот город, где хорошо воспитан слушатель, где есть свой слушатель для разных видов музыкального искусства, — свой, постоянный. Мы знаем, к вам с удовольствием едут исполнители-инструменталисты. Значит, с этим все в порядке. И мы, к сожалению, не слышали ничего подобного о певцах. Что, у вас не интересуются классическим вокалом?..

Это контрвопрос, и, что подделать, надо на него отвечать.

Посмотрим, кого мог бы привлечь концерт певицы, впервые приезжающей в Пермь. Таких людей много: педагоги (не берем в расчет студентов — большинство из них помогают убирать урожай) музыкальных учебных заведений, руководители клубных студий, учителя музыки общеобразовательных школ. Это и люди, отдающие свой досуг музыке, конкретно — хоровому пению. а таких в